

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ТЕМЫ МЫШЛЕНИЯ

*Я подобен белой обезьяне,
плачущей во время снегопада.
Ду фу*

На первый взгляд, довольно странным кажется выбор в качестве эпиграфа к разговору о мышлении строк китайского поэта Ду Фу далекой эпохи Тан (8 в.н.э). Что общего у современного человека и плачущей белой обезьяны, которая становится практически неразличимой на фоне падающего снега? Разве что мучительное понимание собственной неразличимости, неразличимости в потоке слов, которых становится так много в бесконечности сменяющих друг друга букв на электронных и печатных страницах? Человек пытается мыслить, а вместо этого устало и бесполезно перебирает бесконечное количество смыслов.

Сложно даже представить, что человек смог оказаться *измученным словом*. Как случилось, что *то*, что животворит, превратилось в безжалостный инструмент отлучения от жизни? Книги, которые раньше воспринимались как источник мудрости, стали вызывать страх и даже некоторое раздражение, как очередной факт случившейся графомании. Из сказанного вытекает естественный вопрос: что позволяет, пишущему эти строки, продолжать писание и мыслить себя при этом ответственным человеком? Самый простой ответ может выглядеть так: вероятно, понимание того, что сложившаяся ситуация не только можно, но и должно *преодолеть*. И это преодоление невозможно без *веры в Слово* и *веры в Человека*.

Прояснение терминов

Для осуществления проблематизации темы мышления целесообразно введение термина *многомерность*, который требует специального прояснения.

В современном информационном мире, насыщенном множеством специальных выражений, употребление и настойчивое обращение к новому слову должно сопрягаться с осознанной лингвистической ответственностью. Критерием целесообразности использования того или иного термина естественно предположить наличие определенных смысловых подвижек, возникающих в близлежащем семействе понятий.

На первый взгляд, термин *многомерность* имеет исключительно инструментальную природу и связан с утверждением многообразия способов измерения. С помощью «меры» в измеряемое привносится некий порядок. Проведение операции измерения есть первый шаг к *пониманию* через обращение к «мере».

Традиционные старорусские единицы измерения - *вершок*, *аршин* (16 вершков), *сажень* (3 аршина), *локоть* соотносились с той или иной частью человеческого тела¹. Измеряемое становилось *человекомерным*. «Человекомерную» природу имеют и первые единицы измерения длины у других народов, к примеру, дюйм, фут². Эволюция измерительных процедур, стремление к тому, чтобы сделать их более точными, привели к тому, что в качестве единицы измерения выбирались величины, соразмерные уже с той или иной частью *земного* меридиана. Именно такими единицами измерения является метр³, морская миля⁴, лье и др. Выбор *метра* в качестве единицы длины позволило сделать измерительную процедуру более точной, не зависящей от индивидуальных особенностей человека. Переход к метрической системе был осуществлен 20 мая 1875 года, когда семнадцать стран подписали Метрическую конвенцию. Именно эту дату можно рассматривать как своеобразный шаг по пути закрепления *геомерности* (планетарной соразмерности). Тем самым, *человекомерность* дополненная *геомерностью* в своем единстве образовали ситуацию своеобразной *двумерности* или *элементарной многомерности*. Многомерность, понятую таким образом, можно мыслить как **многомерность первого рода**. Такая многомерность связана с использованием *мер* принципиально разного рода. Учение В. И. Вернадского о *ноосфере*, размышления П. Флоренского о *пневмосфере* укрепляли взаимодополнительность *гео-* и *человекомерности*. Теоретические и практические исследования космического пространства оказались проектами, связанными с постепенным освоением новых мерностей.

1 Вершок - длина основной фаланги указательного пальца (Советский энциклопедический словарь/Гл. ред. А.М.Прохоров 3-е изд.-М.: Сов. Энциклопедия, 1984 С.213).

2 От голл. *duim* - букв, большой палец, 1 Д. =1/12 фута. (Там же, с. 419)

3 Первоначально (Франция, 1791) метр был определен как одна десятиллионная часть расстояния от северного полюса до экватора по поверхности земного эллипсоида на долготе Парижа (Там же, с. 795).

4 Одна морская миля - длина дуги большого круга на поверхности земного шара размером в одну угловую минуту

Таким образом, один из важнейших смыслов, которым можно наделить термин *многомерность* есть своеобразное преодоление *человекомерности* как некой исключительной меры. При этом геомерность не отрицает, не заменяет человекомерность, а дополняет ее.

Необходимость освоения многомерности была имманентно заложена в самой человекомерности. Элементарный факт различия длины, к примеру, фаланги одного и того же пальца у различных людей приводит к тому, что вершков, аршинов, сажений может быть, фактически, множество. Поэтому *человекомерность* автоматически актуализирует тему *плюральности*. Саму плюральность также достаточно естественно связать с многомерностью, однако это многомерность иного рода, многомерность, обусловленная *незначительными* различиями самой *меры*. Подобную многомерность можно назвать **многомерностью второго рода**. Таким образом, введенные представления о многомерности позволяют мыслить *многомерность первого рода*, связанную с *фундаментальным* различием мер, и *многомерность второго рода*, сопряженную с незначительными, но объективными отклонениями величины самой меры.

Идея многомерности видится определенным развитием идеи *онтологической уровневости*. Представления об *уровневости*, в свою очередь, сопряжены с представлениями об *иерархичности*, *прерывности*. Многомерность (и первого, и второго рода) также связана с *прерывностью*, *иерархией* мер. При этом в идее *многомерности* заложено нечто принципиально новое по сравнению с *уровневостью*. Это *новое* связано, во-первых, с тем, что мера, с помощью которой осуществляется процедура измерения, предполагает наличие того, кто эту меру выбирает и измерения производит. Многомерность глубоко связана с измеряющим, осваивающим различные меры субъектом и не выносит его «за скобки». *Измеряющий* и *измеряемое* оказываются взаимосопряженными. Во-вторых, в *целостности* самого термина *многомерность* имеется указание на **одновременность** осуществления различных измерений, соответственно, использования различных мер. Эта одновременность (одномоментность) кажется наиболее непривычной для традиционных уровневых представлений. Уровневость мыслилась как разделение, которое с помощью представлений об иерархии сопрягалось в нечто целое. Многомерность же, по крайней мере, на существующем этапе ее осмыслений, не требует обязательного введения представления об иерархии.

При этом многомерность следует понимать как способность одновременного «измерения» различными способами. Осуществление подобного рода практик, несомненно, стимулировалось освоением *принципа дополнительности* Нильса Бора. Однако в случае многомерности рядоположенными оказываются не два, а множество элементов, измеряемых с помощью различных мер.

Размышления о многомерности естественным образом приводят к формированию представлений о *многомерном субъекте*, отличительными особенностями которого являются, с одной стороны, одномоментное осознанное оперирование множеством мер, с другой, способность к *самотрансформированию*, осуществляемому в процессе проводимых измерений. Момент самотрансформирования кажется наиболее принципиальным. Используя, к примеру, метр в качестве единицы измерения длины, человек в своих измерениях мира уже соотносит его не только с самим собой, но и с планетой (определенной ее частью), сам при этом становясь *человекопланетомерным*. Переживания *человекопланетомерности* приводят к глобальным внутренним трансформациям, и, соответственно, к трансформациям, происходящим во внешнем социальном окружении. Глобальный человек - *человекопланетомерен*. Глобализм является естественным результатом освоения многомерности (по крайней мере, отмеченной двумерности). Таким образом, можно говорить о развитии понятия *человекомерность* в результате его соотнесения с представлениями о *многомерности*.

Следует заметить, что попытки обращение к термину *многомерность*, самые первые осмысления многомерности предпринимались еще в 90-х годах прошлого века, в первую очередь, в работах В. Ж. Келле М. Я. Ковальзона^{1,2}, В. Л. Алтухова³. В. Ж. Келле отмечал, что те или иные социальные процессы можно описывать с точки зрения экономической,

1 Келле В. Ж. Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана : материалы международной ночной конференции, (Санкт-Петербург, 18 мая 2001 г) Серия «Symposium»; вып - № 12. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского философского философского общества, 2001. С. 53-62.

2 Келле В. Ж. Важнейшие аспекты методологии социально-философского исследования / В Ж. Келле, М. Я. Ковальзон // Вопросы философии. - 1980-№7 С 64—73

3 Алтухов В. Л. Философия многомерного мира / В. Л. Алтухов // Общественные науки и современность. - 1992 -№ 1С. 15-27.

политической, исторической и прочих. Таких точек зрения можно обнаружить достаточно много и это множество вполне естественно рассматривать как многомерное проявление исследуемого. Подобное толкование многомерности достаточно близко идеям формировавшегося параллельно междисциплинарного подхода, который получил широкое развитие в два последних десятилетия.

Детальное осмысление методологических наработок, возникших в результате осуществления междисциплинарных исследований, вероятно, еще впереди, но два наиболее очевидных момента можно отметить даже при самом поверхностном взгляде. Момент первый связан с активной *терминологической диффузией*, при которой идеи, термины, возникшие в рамках одной дисциплины, перемещались в совершенно новые дисциплинарные зоны, способствуя существенному обновлению соответствующих смысловых континуумов. Отмеченная терминологическая диффузия оказалась возможной благодаря тому, что на смену дисциплинарной дифференциации (секуляризации), активно проявляющейся в предыдущие сто лет, пришли определенные интегративные тенденции, фактически, и ставшие основанием для развития междисциплинарности. Второй момент сопряжен с активным осмыслением синергетических идей, методов, терминов в самых разнообразных дисциплинарных областях, имеющих в качестве объектов исследования сложные открытые нелинейные системы, что естественно способствовало сближению до этого достаточно различающихся исследовательских установок.

В отличие от междисциплинарного подхода, следы которого обнаруживаются в реальных исследовательских практиках, подход многомерный фактически был только декларирован, реального же развития многомерной методологии так и не случилось. Вероятно, одной из причин отмеченного является то, что самое элементарное понимание многомерности как *множества одновременно фиксируемых измерений* не является достаточным для практического освоения идеи многомерности.

Новые возможности в уяснении многомерности возникают при ее соотнесении с представлениями об *онтологической уровневости*. Если допустить существование онтологических уровней, тогда следующим естественным шагом оказывается признание факта развертывания на каждом

из уровней специфических уровневых законов. Эти законы проявляют себя закономерностями, фиксация которых оказывается возможной с помощью уровневых мер. Каждый из уровней обладает собственной мерой, которая, в свою очередь, может быть представлена целой совокупностью мерностных мод. Благодаря соответствующим *мерностным пакетам* раскрываются законы, характеризующие существование того или иного онтологического уровня. Принятие представленного толкования *многомерности* позволяет продвинуться в понимании некоторых достаточно сложных проблем, и в том числе, проблемы мышления.

И последнее замечание, которое может оказаться полезным для последующих рассуждений. Раскрытию любого термина способствует проявление дополнительных, проясняющих слов. Небольшие трансформации термина *многомерность* порождают слово *многомерие*, которое, практически, не употребляется в русском языке. Соотнесение слов *многомерность* к *многомерие* не является попыткой привнесения дополнительных лингвистических запутываний, а лишь отражает стремление как можно точнее уловить различие сути двух очень близких по смыслу *литерных конструкций*.

Многомерие же созвучно *многомирию*, отсылающему уже не к *мере*, а к *миру*. Слово *мир* маркирует достаточно сложное образование, в котором можно изначально предположить объединение нескольких мерностей, их *замысловатое* переплетение, манифестирующее себя в мировом существовании. Мир не так просто понять, ибо для подобного понимания необходимы и *мировое*, и *уровневое восприятие*. Понимание *мира* несомненно коррелирует с пониманием *многомерия*. В *мире* обнаруживается *уровневая сопряженность*, освоение которой может стать подступом к осмыслению многомерности.

Проблема мышления

Можно выбрать различные стратегии размышлений о мышлении. Одна из них - продумывание *проблем*, возникающих в связи с прояснением того, что есть *мышление*.

Любое осмысление всегда происходит «на фоне» тех текстов, которые читает автор, или - событий, которые происходят в жизни. Эти «факты *вторгающейся* реальности» предопределяют неявные исследовательские установки, которые можно либо тщательно скрывать, либо - наоборот, специально обнаруживать, для того, чтобы яснее зафиксировать более широкий исследовательский контекст.

Написание этого текста сопровождалось параллельным погружением в работу Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Тысяча плато»¹ (второй том «Капитализма и шизофрении»). Поэтому мысли двух французских интеллектуалов, которых Я. И. Свирский назвал единым именем «Гваттарез», будут явно или неявно «просачиваться» в рассуждения о проблемах мышления. В частности, Делез/Гваттари предложили весьма интересную формулу для определения *проблемы* как таковой. Они записали: «*problemata* неотделима от наклонных плоскостей, переходов к пределу, турбулентностей и прогнозирования»². Метафора «наклонных плоскостей» кажется близка более привычному термину *проблематизация*, понимаемому как способ представления проблемы с помощью проблем более мелких. Но слово *плоскость* очень точно намекает на то, что каждая из «более мелких» проблем являет собой независимое измерение, формирующее особый проблемный ракурс. Значительно сложнее толковать словосочетание «переход к пределу» или «турбулентность». Эти слова хочется назвать своеобразными «настройками» *методологического сознания* (выражение С. Б. Крымского), задающими формы того, что потенциально может быть обнаруженным.

Нижеследующий текст организован в виде ряда фрагментов, каждый из которых представляет тот или иной проблемный ракурс общей проблемы мышления.

Проблема пролиферации смыслов

Казалось бы, как близки три слова - *изобилие, достаток и избыточность*. К изобилию стремятся, его желают, но от него один шаг к избыточности, которая, фактически, есть уже выпадение из бытия, *из-бытие*. Еще Аристотель в «Никомаховой этике» предупреждал о важности выбора срединного пути, пути достатка без излишеств. Сама античная культура являла собой пример достоинства меры. Что же касается культуры современной, то ее основной проблемой может быть определена именно *избыточность*, пропитанность ощущениями *из бытия выпадения*.

1 Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с Франц и послесл. Я.И. Свирского; науч Ред В Ю Кузнецов - Екатеринбург: У-Фактория; М : Астрель, 2010. - 895 с

2 Там же, с. 606

Избыточность современного мира подтверждается многими фактами, в том числе, широким распространением онкологических заболеваний, от которых страдают жители планеты Земля. В основе онкологии лежит неконтролируемое разрастание опухолевых клеток, той или иной природы. Избыток клеток становится причиной смертельно опасного недуга. В медицине избыточный неконтролируемый рост клеточной массы определяется термином *пролиферация*. В словарных статьях отмечается, что слово *пролиферация* происходит от латинских терминов *proles* — отпрыск, потомство и *ego* — несу и означает разрастание ткани организма путём размножения клеток.

В совершенно иной области исследования термин *пролиферация* был использован П. Фейерабендом для обозначения *принципа пролиферации* (один из примеров терминологической диффузии, о которой речь шла выше). Согласно принципу пролиферации, ученые должны создавать как можно больше новых теорий, при этом некоторые могут быть заведомо и неверны. По Фейерабенду, *пролиферация* (*proliferation* - размножение) теорий благотворна для науки, в то время как теоретическое единообразие ослабляет ее критическую силу. Теоретическое *разнообразие* призвано противостоять теоретической *унификации*¹. Принцип пролиферации легитимирует идею методологического анархизма, активно развиваемую П. Фейерабендом.

Пролиферация, в более точном смысле этого слова, это не просто размножение, а *разрастание без качественного обновления*, бесконечное умножение того, что *уже было*. Пролиферация ведет к *избыточности* и тем самым стимулирует разрушение существующего порядка. Разрушающие возможности многократных повторений обнаруживаются, к примеру, в практике молитвы. Многократное повторение слов, различных вербальных связей, их настойчивое «размножение» в пространственно-временном континууме, приводит к подавлению, а иногда и к деконструкции складывающихся ситуативных структур. Подобное многократное повторение слова тоже есть избыточность, но такую избыточность естественно назвать конструктивной или конституирующей.

Избыточность может быть и иного рода, когда имеет место *«повторение из бессилия»*, повторение того, что себя уже изжило, повторение того, что не может быть осмыслено принципиально по-новому. Речь идет о *смысловых пролиферациях*.

¹ Фейерабэнд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пер с англ. А.И. Никифорова. - М. АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007 С.31,53.

Такие повторения оказываются подобными отравляющим агентам, способствующим *выпадению из бытия*. Если перейти на язык синергетики, то отмеченные повторения можно соотнести с *нерезонансными воздействиями*. Воздействия, которые были резонансными в предыдущий (иной) момент времени, в новой ситуации оказываются *нерезонансными*.

Совершенно с другой стороны к тому же самому феномену подошли французские философы, развивавшие представление о *симулякре*. Если отталкиваться от латинского слова *simulo*, что означает *делать вид, притворяться*, то симулякр это то, что имитирует законность существования. При этом важно понимать, что закон устанавливает не только то, *что* возможно, но и в *какой мере*. Закон обнаруживает себя закономерностями, нарушение закономерностей есть преступление закона. Количество клеток того или иного вида является закономерностью существования организма. Бесконтрольное разрастание каких-либо клеток ведет к нарушению соответствующего закона, стимулирует возникновение болезни. Из сказанного вполне естественно заключить, что предлагаемый Фейерабендом принцип пролиферации, при всей его направленности на конструктивное увеличение разнообразия, становится, при определенных условиях, верным путем к деградации. Принятие принципа пролиферации стимулирует увеличение симулякров, нарушающих законное существование организмического целого, ведет к его разрушению. И, тем не менее, сама идея пролиферации, понимаемая как размножение, повторение структурных паттернов оказывается весьма плодотворной для понимания многих феноменов, в частности, взаимоотношения между *мыслью* и *смыслами*.

Для пояснения сказанного необходимо введение трех гипотетических утверждений.

1. **Мысль** является *сложным многомерным образованием*.
2. **Смысл** есть способ истолкования мысли, ее проекция в то или иное ментальное измерение. Проекция мысли в то или иное измерение порождает линейное мышление, наиболее распространенное и освоенное современным человечеством.
3. **Мысль** и смысл представляют собой ментальные конструкции, создание которых оказывается возможным благодаря *целостной* деятельности

всего человеческого существа - его *тела, души, интеллекта, ума, сознания, разума*, и всего того, что пока еще не обнаружило свою явленность в языке.

Из представленных утверждений вытекает сразу несколько следствий.

А). Мысль, являя собой многомерное образование, подлежит истолкованию. Истолкование следует понимать как выявление смыслов и их последующую экспликацию. Смысл есть представитель мысли в том или ином ментальном измерении.

Б). Мысль истолковывается с помощью нескольких (чаще всего - множества) смысловых пакетов. Смысловым пакетом можно называть *изначально явленный смысл* с серией его последующих экспликаций.

В). В линейном мышлении в качестве мысли может выступать первый смысл, проявленный из мысли многомерной и зафиксированный в том или ином ментальном измерении.

Введение представленных выше допущений требует, опять же, специальных прояснений.

Прояснение 1. О мысли и суждении.

Возможно, одним из наиболее запутывающих моментов, усложняющих понимание того, что есть *мысль*, является отождествление *мысли* и *суждения*. Первое, что роднит мысль и суждение - это язык. И мысль, и суждение обнаруживают себя с помощью языка. Главное же, что различает мысль и суждение - это *отношение к воспринятому*. Суждение обращается со словом как с именем, соответствующим тому или иному денотату. Обнаруживаемые в результате восприятия причинные закономерности находят свое отражение в суждениях: яблоко лежит на столе; на планете Земля существуют четыре океана, ... Способы оперирования суждениями заданы правилами формальной логики.

Что же касается мысли, то, помимо того, что она основывается на уже имевших место восприятиях, в ней всегда наличествует некий *сдвиг*, деформирующий, или лучше - смещающий, изменяющий традиционно воспринимаемое. Возможно, этот сдвиг привносится благодаря сознанию, которое, в отличие от мысли, не имеет такой прямой связи со словом. *Мысль* же и *слово* сопряжены теснейшим образом, но эта связь отлична от той, которая существует между *суждением* и *словом*. Мысль обращается со словом как с *именующим инструментом*. Традиционно слово воспринимается

как готовое имя того, что уже существует в окружающем мире. *Слово как именующий инструмент* дает возможность именованя того *возникающего*, что пока еще не проявлено или находится в стадии проявления. Именно эта способность *схватывания первопроявленностей* в воспринимаемом и является отличительной чертой философской и литературной деятельности. Процесс мышления тесно сопряжен с именованем проявляющегося путем филигранного *литерного конструирования*. С одной стороны, в этом конструировании используются слова как уже готовые конструктивные элементы (элементы ментального конструктора), но с другой, и это кажется особенно замечательным, в процессе мышления осуществляется отливка слов новых, модернизация и деформация слов привычных, вербальных сочетаний.

Именно на этом этапе рассуждений целесообразно добавить зрительный образ, который дает возможность дополнить уже сказанное. Для создания это образа достаточно предположить, что любое слово имеет дополнительное *цветовое измерение*. К примеру, слово *мир* может быть *зеленого, фиолетового* или *желтого* цвета. Что может дать подобное, на первый взгляд, весьма искусственное допущение? Цветом фиксируется проекция слова в *цветовое измерение*. Будучи нагруженным цветовой проявленностью, слово достаточно легко мыслить как многомерное образование. Слово обретает некую *поливалентность*. В качестве примера можно взять уже упоминавшееся слово *пролиферация*. Употребление термина пролиферация в медицинском контексте имеет одну цветность, в методологическом - другую. Естественно предположить существование и других вариантов использования отмеченного термина.

Многомерная мысль, проявленная с помощью «цветных» слов, переливается всеми цветами радуги. Каждое слово в ней существует во всей своей цветовой многомерности. Процесс извлечения смысла представляется как проецирование мысли в ту или иную цветность. Сам смысл, и это важно выделить, тоже является *полимерностным* образованием, хотя это образование значительно более простое, нежели изначальная мысль. Можно сказать так: смысл - *незначительно* многомерен, но именно эта толика многомерности отличает его от суждения, линейного по своей природе. Мысль, прорастающая в языке, подобна переливающемуся сложному целому, от которого подобно искрам, истекают смыслы.

Размышления о многомерности слова невольно актуализируют развиваемую Э. Ласло мысль по поводу перехода современного человечества в фазу *интенсивной эволюции* после продолжительного этапа *эволюции экстенсивной*. Эту мысль можно перетолковать следующим образом.

Экстенсивная эволюция слова связана с *именованием* того, что обнаруживается в восприятии уже проявленного окружающего мира. При этом слово предстает в своей одновалентной (монохромной) ипостаси. По мере же развития языка вскрывается его поливалентность, вербальное многоцветие. В этой связи интересно представить достаточно близкую точку зрения Делеза /Гваттари: «Схемы эволюции будут теперь создаваться не по моделям древовидного происхождения, двигаясь от менее дифференцированного к более дифференцированному, а следуя ризоме, действующей сразу в неоднородном и перескакивающей от одной уже дифференцированной линии к другой»¹. Ризоматическое сопряжение слов, не связанное с репрезентативным мышлением, позволяет осуществляться обнаружению новых вербальных валентностей. Фаза *интенсивной эволюции*, рассматриваемой по отношению к слову, связана с актуализацией его многомерности. В этом раскрытии многомерности естественно мыслится и предел, когда слово обретет свою мерностную полноту, становясь невидимым на фоне актуализированного вербального континуума.

Прояснение 2. Ментальное измерение

Употребленное выше выражение *ментальное измерение* требует специального продумывания. При этом возникает естественный вопрос: как можно измерить мысль? Сам процесс измерения есть соотнесение с тем, что выступает в качестве меры. Вполне естественно допустить, что в случае измерения мысли в качестве меры выступает слово. Мысль не только *проявляется* словами, но и *измеряется* с помощью слов.

Как уже было отмечено, «переваривание» мысли сопровождается извлечением смыслов. Смыслы и задают *измерение мысли* тем *словом* или *словами*, которые являются ключевыми при их фиксации. Эти же слова подключают обнаруженный смысл к той или иной вербальной связности, природной для соответствующих слов. К примеру, слово *экономика* актуализирует экономический контекст, *ген* - биологический, *революция* - политический и т.п.

¹ Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с франц и послесл Я.И Свирского; науч Ред В Ю. Кузнецов - Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель, 2010. С. 18

Главное назначение смысла состоит в том, что он создает определенные напряжения в множестве высказываний, соответствующих актуализируемому контексту, что ведет к возникновению *смещений в восприятии*, в итоге - к расширению воспринимаемого. Чтобы понять этот механизм целесообразно сосредоточить внимание, как минимум, на трех моментах.

Во-первых, как уже было отмечено, смысл являет собой некое *кентаврическое* образование. Смысл - это соединение того, что *несоединяемо* с точки зрения существующих в проявленном мире причинно-следственных связей. Метафоры, парадоксы являются примерами подобных кентаврических образований. Именно поэтому смысл часто обнаруживает себя метафорой. Метаформичность текстов есть отражение их смысловой насыщенности. И если смысл можно определить как образование *кентаврическое*, то мысль подобна некоему *поликентавру*, что уже достаточно сложно представить, хотя всевозможные современные примеры трансформеров подталкивают человеческий разум к освоению подобных сверхсложных многомерных конструкций.

Во-вторых, смысл необходимо «логически переварить», что можно понимать как его проецирование в те или иные ментальные измерения. Тем самым один смысл становится (потенциально или актуально) источником нескольких логических цепочек, обнаруживающих себя в том или ином ментальном измерении.

И, наконец, в - третьих. Отмеченные одномерные ментальные цепочки в виду их близости одному смыслу взаимодействуют друг с другом, резонируют, стимулируя возникновение новых суждений, ведущих, опять же, к смещениям восприятия. Вновь воспринятое оказывается основанием для построения новых высказываний. Тем самым та или иная мерность раскрывается все глубже и глубже. Можно выразиться иначе: слово *интенсивно* эволюционирует. Отмеченное позволяет зафиксировать очень важную в гносеологическом плане последовательность: *мысль, смыслы, суждения, восприятие*. Как результат - *мысль* стимулирует расширение *восприятия*, способствует снятию покровов с проявленного.

Теперь, после множественных уточнений и прояснений, целесообразно вновь вернуться к теме *пролиферации смыслов*.

Проблему пролиферации смыслов можно понимать как увеличение, настойчивое повторение в интеллектуальном континууме нераспакованных, неассимилированных смыслов. Распаковывание смыслов наиболее облегчено в непосредственной близости к самой мысли, ибо мысль задает то необходимое *ментальное напряжение*, дающее возможность перетолкования смысла в том или ином ментальном измерении. Если же мысль и смысл оказываются временно и пространственно разделены (мысль недодумана), то дальнейшее распаковывание смыслов становится затруднительным, смыслы продолжают свою интеллектуальную циркуляцию, фактически, засоряя интеллектуальный континуум, приводя к его ментальной деградации. Смыслы, отделенные от мысли, нерастолкованные и еще раз повторенные, становятся симулякрами, пародирующими ментальную активность. И в этой связи был прав Р. Рорти, настаивавший на необходимости «разметывания метафор», засоряющих мышление. Только при подобном «разметывании» важно не перепутать «заблудившиеся», «оторвавшиеся» смыслы и смыслы жизнеспособные, окружающие ту или иную мысль, продолжающие в себе ее ментальный потенциал.

Отделенные от мысли непродуманные смыслы тиражируются во все в новых и новых контекстах, что и можно назвать *смысловой пролиферацией*. С помощью подобных смыслов создается бесконечное количество текстов, чтение которых не дает читающему реального ментального развития, удовольствия сопричастия мышлению, ибо в этих текстах мысли как таковой и нет. Подобные тексты предстают безумием множащихся смысловых переплетений, симулирующих ментальные процессы, ведут к интеллектуальному оскудению.

Подводя определенный итог можно заключить, что проблема пролиферации смыслов напрямую связана с проблемой *недоконцамыслия, недодумывания*. Разрешение этой проблемы сопряжено, в свою очередь, с пониманием того, что есть мысль, как мысль связана со смыслами, что собой представляет процесс мышления до его вхождения в фазу мышления линейного (одномерного), которое описывается правилами формальной логики.

Проблема компактификации смыслов

Введение слова *компактификация* в философское обращение требует очередной специальной аргументации. В словарях термин компактификация упоминается исключительно в математических контекстах. Под операцией компактификации понимается *преобразование* произвольных топологических пространств в компактные. Есть основание допустить возможность более широкого употребления соответствующего термина и мыслить *компактификацию* как *процесс сборки, формирования некоторого компакта*, компактного множества. В этой связи кажется очень близкой мысль американского исследователя творчества Ж. Делеза Брайна Массуми. В своем предисловии к американскому переводу книги «Тысяча плато» он говорил о том, что *номадическое мышление*, которое демонстрируют своим творчеством Делез и Гваттари, проводит «синтез множественных элементов без стирания различий между ними, не мешая множеству в будущем реорганизоваться»¹. Синтез, мыслимый таким образом, весьма близок тому, что маркируется термином компактификация.

При этом естественно возникает вопрос: чем компактификация отличается от *конструирования* или от *конституирования*? *Конструирование* и *конституирование* термины весьма близкие и связывает их, в первую очередь, то, что они обозначают построение, создание того, что предзадано *планом*, особенностями имеющихся в наличии конструктивных элементов. *Конструирование* — прогнозируемый процесс. Что же касается *конституирования*, то это слово подчеркивает особую значимость итоговой конструкции, ее конституирующее, закономанифестирующее начало.

В отличие от *сконструированного* и *конституированного* компакт - это всегда есть нечто *неожиданное*, результат множественных спонтанных, сознательно не отслеживаемых объединений. В итоговом компакте практически невозможно уловить причину связывания тех или иных элементов, из которых он составлен. Также как и конструкция, компакт есть результат сборки, но только в ходе этой сборки происходит своеобразная *переплавка* представлений о том, что может быть в принципе соотнесено. Компактификация играет важную роль в процессе мыслительной деятельности.

¹ Массуми Б. Удовольствия философии. Предисловие к американскому изданию «Тысяча плато» Ж. Делеза и Ф. Гваттари / Пер с англ. Г. Коломийца [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://slova.name/slova-7/brayan-massumi.html>

Сложная многомерная мысль может быть сформирована в результате компактификации отдельных смыслов, заполняющих интеллектуальный континуум. Именно поэтому многомерное мышление можно рассматривать как двусторонний процесс, состоящий, с одной стороны, из проявления (извлечения) смыслов из многомерной мысли, с другой стороны - как компактификацию смыслов в многомерное ментальное образование, *ментальный компакт*.

Проблемы мышления вполне естественно соотнести со сложностями формирования подобных ментальных компактов.

Элементарное продумывание представленных рассуждений вызывает совершенно очевидный вопрос: каким образом, под действием каких сил реализуется сборки тех или иных хаотически разбросанных смыслов в ментальный компакт? Для поиска ответа на этот вопрос, с нашей точки зрения, необходимо обратить внимание на нижеследующую проблему.

Проблема переосмысления ЕДИНОВО

Множественные критики *рационализма*, возникшие еще в прошлом веке и не затихающие до времени настоящего, кажутся застывшими в ситуации критической беспомощности. С одной стороны, достижения человечества, обретенные благодаря развитию науки, технологий - вполне очевидны и эти достижения не были бы возможны без культивирования рационального начала, науки. С другой, складывается впечатление, что излишний *рационализм* и, буквально следующий за ним по пятам, *прагматизм* оттесняют в человеке на задний план что-то *очень человеческое*. Нарастающее ощущение гуманитарного кризиса, кризиса экзистенции часто пытаются связать с кризисом рационализма или иначе - излишней рационализацией. При этом философы с надеждой смотрят в сторону литературы, литераторы в сторону философии, психологи, разуверившись в продуктивности связей с философией и литературой, ищут ключи, питающие психологические интуиции, в технологиях. Существенные подвижки в ситуации, которая, отчасти, уже стала восприниматься как затянувшаяся в своей безысходности, можно ожидать в результате возвращения к теме *единого* - фундаментального философского начала, осмысление которого питало становление античной философской мысли.

В энциклопедической статье П. П. Гайденко о *едином* отмечается, что «В математике единое, или единица, служит началом и мерой числа, которое, по определению Евклида, есть «множество, составленное из единиц» («Начала», 7, опр. 2)

и соответственно измеряется единицей; в геометрии, астрономии, музыке единица - это мера величины (длины, площади, скорости, продолжительности звука и т.д.), однородная с измеряемой величиной»¹. В своих самых фундаментальных истоках *единое* связывалось с *мерой* и *числом*. *Единое* служило *мерой* числа. Число же есть *множество*, составленное из *единиц*. Эта мысль кажется сверхсложной для понимания, хотя на самом элементарном уровне все выглядит весьма просто: число 5 содержит пять единиц, 7 - семь и т. д. Каждое число представлено *совокупностью* единиц и поэтому, с одной стороны, оно, вроде бы, разделено по самой своей природе - 5 состоит из пяти отдельных единиц, но, с другой, каждая *единица* несет в себе фундаментальное начало неделимого *единого*. Сложно представить, что сумма пяти манифестаций *единого* теряет его фундаментальное качество. Но тогда 5, равно как и 2, 3, 7 и пр. есть тоже *единое*. Тем самым возникает некий фундаментальный парадокс: число есть *множество* и при этом *единое*

Качественные манифестации, обнаруживаемые множеством чисел, на первый взгляд, видятся своеобразными «выпадениями» из *единого*, но, по сути, они предстают *модусами*, выражающими *единое* и неизбежно в нем пребывающими. **Рекурсия**, возвращение к *единому*, является фундаментальным основанием любой гносеологической практики. При этом можно было бы добавить: рекурсия на фоне обнаруживающегося качественного разнообразия. Сами числа, как фундаментальные модальности *единого*, гипостазируют, сущностно обнаруживают качественное многообразие *единого*.

Фундаментальная значимость *единого*, первоначально проявленная и закрепленная в античной философии, исторически утверждалась и развивалась в монотеизме, а затем и в прорастающей идее сильного *единого* государства.

К XX веку ситуация существенно изменилась. Развитие атеистических настроений, дискредитация существовавших сильных авторитарных режимов, актуализация идеи индивидуализма - все это привело к тому, что *многое* стало затмевать *единое*.

Ю. Хабермас, размышляя о единстве разума в разнообразии составляющих его голосов, отмечает: «Метафизика, которая отдает предпочтение

¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://iph.ras.ru/enc.htm>.

единому над многим, и контекстуализм, который отстаивает перевес многого по отношению к единому, являются тайными союзниками. Мои соображения сводятся к тезису о том, что единство разума можно распознать только во множестве его голосов - как принципиальную возможность хоть и всегда случайного, однако оправданного перехода от одного языка к другому (перевод мой - Л.Б.)»¹.

В рамках проводимого исследования тема *единого* оказывается актуальной по следующей причине. *Мышление* не является **основным** проявлением человеческого существа. Но основным проявлением также не следует считать *рациональность, телесность, сознательность, чувственность...* Вполне естественно предположить, что *разум, сознание, ум, интеллект, чувства, телесность...* предстают своеобразными модальностями человеческого существа, раскрывающими его же единство. И освоение каждой из модальностей возможно только в результате неизменной рекурсии к *единому*. Опять же, по Хабермасу, «многое сводится к единому и таким образом обозревается в целом как тотальность (перевод мой - Л.Б.)»².

Обнаружение множества модальностей, каждая из которых имеет собственную меру, вполне естественно может мыслиться как обнаружение многомерности. Но, так как *многомерность* связана с *мерой, мера - с единицей измерения, единица с единым*, то актуализация *многомерности* есть своеобразное возвращение к *единому*. Практика возвращения к единому возможна в результате освоения способа пребывания в многомерности. Застревание же в той или иной мерности чревато потерей жизнеобеспечивающей связи с единым. *Рационализм*, равно как и *сенсуализм, телоцентризм* и пр. являются очевидными примерами подобного иссушающего, бесплодного *застревания*. Размышления Парменида о *едином* становятся вновь актуальными, требующими очередного витка переосмыслений. Связь с *единым* проходит через самого человека. И чем сложнее он становится, тем острее ощущается необходимость углубления в истоки этой связи.

В качестве примера целесообразно обратить внимание на весьма знаковое интеллектуальное событие: в 12 номере журнала «Вопросы философии» (2012 г.)

1 Габермас Ю Постметафізичне мислення / Пер. з нім. В. Купліна. - Київ: Дух і Літера, 2011. С.123.

2 Габермас Ю Постметафізичне мислення / Пер. з нім. В. Купліна. - Київ: Дух і Літера, 2011. С.125.

были опубликованы материалы круглого стола по теме «Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии»¹. В работе этого круглого стола принимали участие известные в современном российском философском мире люди - В. А. Лекторский, Б. И. Пружинин, И. Ю. Алексеева, В. И. Аршинов, В. Г. Горохов, Д. И. Дубровский, Л. П. Киященко, П. Д. Тищенко. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это достаточно высокая степень толерантности к мнению Другого. Участники представленной интеллектуальной коммуникации практически не использовали «критики». Казалось, что каждый выступавший пытался лишь зафиксировать свою точку зрения, не включаясь, или почти не включаясь в полемику с теми, кто свое мнение уже выразил. Подобная ситуация кажется достаточно знаковой и является проявлением принятия все того же принципа *пролиферации*, утверждавшегося еще П. Фейерабендом. Однако, хорошо ли для современных времен то, что было весьма полезным во времена возникновения этого принципа? Не следует ли рассматривать современную гипертолерантность как демонстрацию уже устаревающих поведенческих паттернов?

В рамках данной публикации нет возможности достаточно «широко» откликнуться на представленные в ходе работы круглого стола точки зрения, но, по крайней мере, о двух моментах говорить следует. Это говорение можно назвать, пользуясь уже готовой формулой М. Фуко, «*заботой о себе*», при этом формулу хочется расширить добавлением фрагмента «*забота о едином*». В результате получается: *забота о себе - едином*.

Момент первый: размышления о создании *искусственного тела*

Начать следует с напоминания хорошо известного факта о том, что исследование проблемы управляемого ядерного синтеза в реальности привело, в первую очередь, к созданию и испытанию атомной бомбы и только потом началось строительство атомных электростанций. Нечто подобное может случиться и в ходе разрешения проблемы создания искусственных органов, в пределе - искусственного тела, которое можно постоянно обновлять. В этой связи кажется очень верным замечание одного из участников представляемого круглого стола - П. Д. Тищенко: «лишь на основе упрощенных, архаичных (если не сказать, допотопных)

¹ Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии - № 12. - 2012 С.3-24

представлений о человеке, жизни, сознании, страдании и т.д. могут появиться «инновационные» технократические фантазии»¹. Речь идет о технократических фантазиях по поводу создания искусственного тела. В реальности подобные фантазии, к примеру, выглядят следующим образом. Один из членов современного российского стратегического общественного движения «Россия 2045» - В. А. Коньшев, руководитель компании «Нейроботикс», отмечает следующее: «Перенос мозга в искусственное тело - более выносливое, более совершенное - единственная возможность человеческой расе остаться на Земле...»². На первый взгляд, мечты о нестареющем и всегда здоровом теле кажутся абсолютно нормальными. Однако согласуются ли эти мечты с современными представлениями об устройстве мира и устройстве человека? Что будет с человеком, если заменить не только один из его органов, а два, несколько, в пределе - подарить ему новое искусственное тело? Что при этом случится с его *разумом, сознанием, чувствами*? Как человек при этом будет функционировать как *целое*? Останется ли у него желание размышлять по поводу *единого*?

Не является ли рассмотрение человека как механизма, который можно собирать и разбирать из отдельных частей, следствием пребывания исследователей, предлагающих подобные новации, в рамках давно исчерпавшей себя механистической парадигмы? Понятно, что решение проблемы имплантации искусственных органов может способствовать очень мощному технологическому прорыву, но возможно ли начинать проведение подобных исследований без предварительной серьезной гуманитарной экспертизы? Тело человека это не футляр, в который помещен мыслящий мозг. Метафора *футляра* неверна в своем изначалье. Все органы человека глубоко взаимосвязаны, представляя собой *организмическое целое*, и достаточно естественной кажется мысль о том, что их нормальное функционирование во многом зависит от характера включенности человека в интеграцию с окружающим миром. При этом мир внешний тесно взаимосвязан с миром внутренним. Любая разбалансировка внешних и внутренних связей отражается на состоянии физического тела, которое подобно индикатору, фиксирует степень гармоничности мировых включенностей. Более верной кажется все чаще обнаруживающая себя метафора *границы*.

1 Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола»), // Вопросы философии -№ 12 -2012 С.23

2 Коньшев В.А. Наше слабое тело надо менять. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.2045.ru/expert/15.html>

Человек подобен *живой границе* между внутренним и внешним миром, человеческое тело - это не линия раздела, что было бы справедливо в случае двумерности окружающего мира, а некая сложная (сложная, в том числе, с точки зрения мерности) поверхность, разграничивающая миры: мир внешний и мир внутренний. К сожалению, человек пока не научился осознавать себя индивидуальной целостностью (латинское *individuum* — неделимое - единичное сущее, онтологическую основу которого составляет единство, неразложимость на элементы)¹. Механистическая парадигма все еще накладывает отпечаток на способы осмысления себя и мира. И именно поэтому возникают рецидивы гипертрофированного отношения то к *разуму*, то к *телу*, то к *сознанию*. Подобные механические разрывы индивидуальной целостности ведут не только к гносеологическому, но и к экзистенциальному тупику. Примером тому является пережитое «обострение» увлеченности рационализмом. Хотя научные результаты подобной увлеченности достаточно весомы, но также очевидны и болезненные, «кровоточащие» общегуманитарные «провалы». Именно поэтому осмысление попыток создания искусственного тела важно осуществлять в контексте развития темы *единоцелостности* человеческого существа.

Момент второй: проблема соотношения языков описания

Для того, чтобы прокомментировать еще один момент дискуссии по поводу NBIC конвергенции следует процитировать участника Круглого стола - Д. И. Дубровского, известного российского специалиста по исследованию сознания: «два разных языка описания - классический физикалистский язык, опирающийся на понятия массы, энергии, пространственных отношений, и язык социогуманитарных описаний, опирающийся на понятия интенциональности, смысла, цели, желания, интереса, воли и т.п. Между этими системами понятий нет прямых логических связей, что, по выражению представителей аналитической философии, создает «провал в объяснении»². Очевидно, что заявленная точка зрения не отличается новизной, и разрешение отмеченной в ней проблемы может действительно способствовать существенному гносеологическому прорыву. В ходе дискуссии на слова Д. И. Дубровского откликнулся еще один российский философ - В. Г. Горохов, добавивший следующее: «Я хотел бы также поддержать призыв Д. И. Дубровского к эпистемологии и методологии науки исследовать языки, которые бы могли в единой

1 Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://iph.ras.ru/enc.htm>.

2 Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://iph.ras.ru/enc.htm>

концептуальной структуре выразить новые типы исследуемых и проектируемых систем. В этом смысле конвергентные технологии дают новый импульс для анализа проблемы редукции физического и биологического языков в рамках биотехнологического и нанотехнологического исследования»¹. В комментарии В. Г. Горохова важно обратить внимание на два момента.

Во-первых, само развитие конвергентных технологий, с одной стороны, возникло как результат определенных работ в области междисциплинарных исследований, с другой, дальнейшее поддержание конвергентных трендов требует продолжения освоения междисциплинарности. И в этом смысле очень верным кажется замечание по поводу необходимости изучения *концептуальной структуры*, возникающей в поле междисциплинарных исследований. Действительно, любые конвергентные ситуации с одной стороны формируют, с другой, формируются под воздействием некоторой *группы концептов*, являющих собой своеобразное развивающее и развивающееся *концептуальное множество*. Рассмотрение этого множества видится очевидным и перспективным направлением междисциплинарных исследований, особенно, с учетом уже сформировавшегося аппарата работы с концептами (при этом кажется уместным напомнить очень точное выражение Ж. Делеза по поводу концептов, которые следует мыслить не кирпичами, а, скорее, «*ящичками с инструментами*»).

Во-вторых, В. Г. Горохов говорит о проблеме редукции физического и биологического языков. Вот это положение уже не кажется таким очевидным. Редуцирование естественного языка той или иной науки (физики, химии, биологии...) представляется задачей довольно сомнительной, чем-то напоминающей попытку создания эсперанто. Терминологический дрейф, имеющий место в рамках междисциплинарных исследований, наоборот - обогащает, усложняет частнонаучные языки. И Д. И. Дубровский, и В. Г. Горохов правы в том, что исследование конвергентных трендов

¹ Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола»), // Вопросы философии - № 12.-2012. С 10

(при этом, следует добавить, не только NBIC - конвергенции), требует особого изучения ситуаций, происходящих в соответствующих языках. И это изучение предполагает создание специальных методов. Видится, что в этой работе востребованными могут оказаться методологические интуиции М. Фуко. В современной познавательной ситуации, одна из характерных черт которой связана со своеобразным «растворением» *индивидуального познающего субъекта в коллективном коммуникативном субъекте*, одновременно пребывающем в различных языковых лакунах, актуализируется задача качественно нового освоения вновь обретаемого языкового разнообразия (важно подчеркнуть: *освоение множественности без редукции*). Фуко писал: «Крушение философской субъективности, ее рассеяние внутри языка, который лишает ее господства, но множит ее лики в пространстве ее пробелов, составляет, вероятно, одну из фундаментальных структур современной мысли»¹. Мысль Фуко не так проста для толкования. И по отношению к приведенной цитате тоже хочется задать вопросы: что значит «умножающиеся лики (философской субъективности) в пространстве ее пробелов»? Возможно, речь идет о пространстве пробелов, возникающем в промежутках между специально языковыми лакунами? А «множащиеся лики» указывают на осознанное пребывание в этом новом для освоения пространстве, пространстве без традиционного языка? Понятно, что поиск ответов на представленные вопросы предполагает последовательного рассмотрения целого корпуса текстов Фуко и не только их. Однако одно предположение можно высказать уже сейчас. Необходимость одновременного освоения и *приятия* многих языков требует выхода на качественно новый познавательный уровень, который становится независимым от какого-либо отдельного языка. Однако выход в положение «над языком» оказывается настолько необычной задачей, что фантастичность размышлений по этому поводу может конкурировать с фантазиями по поводу создания искусственного человеческого тела. Оказавшись же в зоне научной фантастики вполне естественно предложить еще одну фантастическую идею по поводу возможности

1 Фуко М. О трансгрессии / Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века.- СПб.: Мифрил, 1994. С.123.

СМИРТ конвергенции, которая позволит подвинуться в разрешении задачи, о которой речь шла выше. СМИРТ - конвегрэнция это конвергенция пяти фундаментальных исследовательских разделов - исследований *Сознания, Мышления, Интеллекта, Разума, Телесности*. СМИРТ-конвергенцию можно рассматривать своеобразным «большим объединением» в гносеологии. Возможно, именно на пути большого гносеологического объединения появится понимание того, что собой представляет тот недискурсивный язык, язык, сосредоточенный в пробелах, о котором М. Фуко вопрошал так: «что это за недискурсивный язык, который вот уже два столетия упорствует и ломает себя в нашей культуре, откуда идет к нам этот язык, который далеко еще не сложился, даже не овладел собой, хотя для нас он является сувереном, свысока давит на нас?»¹.

Важно заметить, что задачи СМИРТ-конвергенции не могут быть решены в рамках междисциплинарной методологии, для этой цели необходимо развитие *методологии многомерной* (тема сознания требует, к примеру, развитие одной интеллектуальной мерности, тема мышления - другой).

На первый взгляд, обсуждаемые НБИК, НБИКС, СМИРТ -конвергенции кажутся некими аббревиатурными монстрами, но не является ли сам факт появления соответствующих аббревиатур результатами своеобразной компактификации, позволяющей синтетически объединить то, что исторически оказалось разделенным по различным дисциплинарным нишам по причине недостаточной развитости способности человека к многомерному синтезу? Вполне вероятно, что НБИК конвергенция является одним из первых конвергентных трендов, за которым последуют и другие. Во всех этих конвергенциях обнаруживается стремление к воссозданию гносеологической целостности, возвращение к переосмыслению *единого*.

Проблема развития терминологического аппарата размышлений о мышлении

Развивая тему мышления, каждый автор, сознательно и «фоново», актуализирует особые *категориальные сетки*, выбирает специфический *набор ключевых концептов*. Два этих исследовательских множества в своем единстве и формируют *авторский терминологический базис* размышлений. Различие отмеченных базисов во многом предопределяет специфику складывающихся исследовательских ракурсов.

¹ Фуко М. О трансгрессии / Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века.- СПб.: Мифрил, 1994. С 120-121.

Подобное различие можно условно назвать *экстенсивным*. Но помимо экстенсивного разнообразия терминов обнаруживается еще и их *интенсивное* различие, предопределенное *глубиной* и *особенностью* понимания авторами используемых слов. Необходимость различения *интенсивности* терминов, особенностей их валентности, кажется особо важной в тех случаях, если эти термины обозначают ключевые гносеологические операции.

Как уже отмечалось выше, представления об *интенсивной эволюции*

Э. Ласлоу могут быть весьма полезны при осмыслении проблемы *эволюции терминов*. Многие элементы философской лексики, которые казались понятными, или - почти понятными, в процессе фундаментальной трансформации категориальных сеток, вновь развертываются некой «темной» стороной, предполагающей проведение очередных фундаментальных прояснений. Сегодня подобная ситуация кажется вполне закономерной, требующей правильного методологического реагирования в рамках исследования не только *истории понятий*, но и изучения *интенсивной эволюции* терминов, в ходе которой обнаруживаемые подвижки значений обзрываются в целостности их множества. Очередному философскому переосмыслению подлежат основные гносеологические операции, такие, к примеру, как *восприятие*, *представление*. Определенные шаги в этом направлении были предприняты автором в монографии «На пути к многомерному мышлению»¹, однако более существенных результатов можно ожидать в результате масштабного освоения многомерного подхода.

Проблема развития терминологического аппарата усложняется особенностью складывающегося общекультурного фона. Переживаемая современная ситуация своеобразного «*пост*» *застывания*», которую иначе можно назвать ситуацией культурного «пресыщения», не может не *разразиться*, или лучше - не *разрядиться* фундаментальным культурным упрощением. Очень важно, чтобы это было упрощение не сопровождалось катастрофическими разрушениями.

¹ Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. - Одесса : Печатный дом, 2010.-372 с.

История знает множество попыток «упрощения» культуры. Вспоминается, к примеру, индивидуальный культурно-этический опыт «опрощенчества» Л. Н. Толстого. “Толстовка” оказалась своеобразным символом опрощения (его историческим рефреном видится «крестьянская» курка Ж. Делеза). Масштабное развертывание символического начинания Л. Н. Толстого нашло отражение в русских революциях с их практиками «силового опрощения» культуры. На печально известные следствия революционных преобразований - «философский пароход», «Гулаг», массовые «чистки» можно смотреть с разных точек зрения. И одна из них состоит в том, что путем всех перечисленных «варварских» актов происходило своеобразное *опрощение* культуры. Однако массовые «опрощающие» жертвоприношения XX века лишь отсрочили «час X» для современной культуры. И если не будет совершен фундаментальный переворот в мышлении, о котором говорили и говорят М. Хайдеггер, Э. Морен, Э. Ласлоу, то сложно спрогнозировать будущее человечества, застывшего пока в состоянии «пост-ожидания».

Как в случае частной жизни великого писателя, так и в случае масштабных культурных преобразований, осуществить реальное упрощение системы «символическим» или силовым путем оказывается невозможно. Недостаточно сменить «рубашку», необходимо заменить *кожу*, а для этого следует предпринять кардинальные изменения. В качестве первоочередной задачи видится развитие многомерного подхода, включающего исследование практик многомерного мышления, понимание многомерности самой мысли. Освоение многомерности позволит осуществиться уровневому перераспределению сложного, что естественным образом разрядит ситуацию опасно *сгущающейся сложности*.

Осознание многомерности есть реальный путь к упрощению, *к упрощению без опрощения*, ибо в слове *опрощение*, очевидно, просматривается просьба *о прощении*, о прощении за содеянное в результате недодуманного и недопонятого.

Культурные трансформации, с одной стороны, предопределяются, с другой - предопределяют фундаментальные подвижки в способах осознания культуры. Размышляя об особенностях *модерна* как своеобразного этапа культурного обновления, Ю. Хабермас говорил об «*изменяющемся сознании эпохи*», «*новом сознании эпохи*», «*умонастроении эпохи*». Все эти

1 Хабермас Ю. Модерн - незавершенный проект. // Вопросы философии - № 4 - 1992. С.40-53.

терминологические выражения достаточно близки тому, что С. Б. Крымский называл «методологическим сознанием». Каждый культурный сдвиг сопряжен с существенными подвижками этого сознания. Соответствующие изменения обнаруживаются по появлению новых концептов, специальнонаучных категорий, обретающих общенаучный статус. *Сеть, конвергенция, коммуникативность, сложность, глобализм* - все эти концепты играют важнейшую роль в формировании современных научных и социокультурных дискурсов. Представленный набор кажется целесообразно дополнить еще одним концептом.

Ставшая своеобразным символом последней четверти XX века книга И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса»² уже в своем названии обнаруживала очень важный методологический прием. Два ключевых концепта исследования оказались рядоположенными в имени, образуя некое концептуальное единство. По воли авторов «порядок и хаос» превратились в неразделяемую концептуальную единицу методологического сознания. Следствием этой неразделяемости оказался факт того, что любая концентрация внимания на *хаосе* автоматически актуализирует представления о *порядке*, равно как и наоборот. Концептуальная связка «порядок-хаос» стимулировала появление и других парных концептов, к примеру, «глобализация - глокализация». С гносеологической точки зрения ничего принципиально нового в отмеченном нет, актуализированные концептуальные связки есть диалектические пары, маркирующие противоположности. Методологическое внимание привлекает факт другой. В современных культурных дискурсах активизируется циркуляция *несвязанного, нескомпенсированного, недополненного, неуравновешенного* концепта *сложность*. Будучи включенным в методологическое сознание, этот концепт *усложняет* любую познавательную ситуацию, создавая некий познавательный «*крен сложности*». Достаточно очевидным путем разрешения сложившейся проблемной ситуации является актуализация внимания на том, что есть *простота*. История философии, философии науки, логики дает примеры осмысления простоты в рамках различных вариантов формулировки *принципа простоты* (к примеру, «бритва Оккама»).

1 Крымский С Экспликация философских смыслов / С Крымский. - М.: Идея-Пресс, 2006 - 240 с

2 Пригожин И. Порядок из хаоса / И Пригожин, И. Стенгерс; [пер с англ. Ю А Данилова] - М. : Прогресс, 1986. - 432 с

Однако можно предположить допустимость и другого пути, пути актуализации *концепта простота*, который обнаруживает свои наиболее интенсивные черты в непосредственном соотношении с концептом «сложность».

В статье «От «Анти-Эдипа» до «Тысячи плато» Ж. Делез писал о возможности существования «фундаментально неточных и в то же время абсолютно строгих понятий», которые оказываются востребованными и философами, и учеными, и художниками¹. В качестве примера таких понятий Делез называет «зону бифуркации». Представления о бифуркации, зоне бифуркации, активно развиваемые И. Пригожиным и И. Стенгерс в работе «Порядок из хаоса», получили широкий культурный резонанс. Делез говорит, что употребление подобных понятий делает ученого немного философом или художником, а художника - ученым. Подобные концепты «неопределенны не из-за неполноты, а в силу своей природы и своего содержания»². Отмеченная неопределенность просматривается и в концепте *простота*.

Однако прежде чем размышлять о *простоте*, следует подумать о том, что способствует ее проявлению, актуализации. В этой связи можно допустить несколько предположений:

– одна из проблем обнаружения *простоты* состоит в ее перепутывании с *традицией*, *традиционным*, в то время как, скорее всего, ее наиболее характерной чертой является именно *антитрадиционность*. Простота связана с разрывом генеологической преемственности, она спонтанна и непредсказуема по своей сути. Простота это всегда *сдвиг*. В своей непривычной нестандартности она воспринимается как нечто сложное, но это сложность иного рода. Сложное простоты не имеет длительной истории своего развития, очевидной причинно-следственной связи. Сложность простоты состоит в ее непривычности;

– простота есть неотделенность от *единого*. Именно эта неотделенность, или лучше мгновенная сопричастность, придает простоте спонтанность и искренность (простота есть «*сплошной кислород*»). И в этом она близка

1 Делез Ж. Переговоры. 1972—1990 / Пер. с франц. и вступ. ст. В. Ю. Быстрова. -СПб.: Наука, 2004. - 234 с.

2 Делез Ж. Переговоры. 1972—1990 / Пер. с франц. и вступ. ст. В. Ю. Быстрова. - СПб.: Наука, 2004 С.46

таланту и гениальности. К простоте нельзя подготовиться, она возникает как результат неожиданной манифестации единого. Единое преодолевает и разрушает всевозможные разделенности и «замыкания в частях». В языке «замыкание в части» всегда узнаваемо по употреблению специальной лексики, осуществляющей дисциплинарное кодирование. Именно по этой причине употребления специальных терминов для характеристики общекультурных процессов кажутся весьма опасными (сквозь *часть* предпринимается попытка понять *целое*). К примеру, выражение *сетевая культура* может быть весьма эффективным при описании культуры сетевых сообществ, но, скорее всего, оно не является подходящим для характеристики современной общекультурной ситуации. То же можно сказать и по поводу, уже подчеркиваемой выше, увлеченности темой НБИК (NBIC) - конвергенции. NBIC-аббревиатура работает на пересечении четырех дисциплинарных областей, в которых она возникла, помимо этого она обнаруживает в современной культуре периодически возникающие конвергентные тренды, но сквозь призму NBIC - конвергенции нельзя схватить всего многообразия современной культурной ситуации. Увлеченность частнодисциплинарной лексикой не позволяет объять исследуемое во всей его полноте. Для этого необходим особый духовный труд, связанный с поиском «простых» слов;

– путь к простым словам лежит в преодолении притягивающей силы терминологических сгустков, с помощью которых осуществляется дисциплинарное или даже междисциплинарное кодирование. Еще раз хочется напомнить о мысли Р. Рорти по поводу необходимости «разметывания метафор». На первый взгляд казалось, что подобная точка зрения ведет к оскудению языка. Язык, лишенный метафор, теряет свою многомерность, богатство выразительных возможностей. Однако простые ли метафоры имел в виду Рорти?

Актуализация простоты предполагает «разметывание» *терминологических сгустков*, с помощью которых осуществляется не только дисциплинарное кодирование, но и междисциплинарная экспансия внутри дисциплинарных кодов. «Разметывание сгустков» подобно разметыванию стога сена, когда его необходимо просушить. Терминологические сгущения, с одной стороны, позволяют прояснить исследуемое через соотнесение с уже относительно освоенным терминологическим множеством, с другой, все эти *терминологические разрастания* (терминологические *наросты*) не более чем промежуточные вербальные общности, главное назначение которых состоит в создании достаточного *вербального* разнообразия для возникновения мысли. Если же мысль не возникает, подобные слова уподобляются сорнякам, требующим специально расчистки;

– процессом параллельным «разметыванию терминологических сгустков» следует признать обнаружение новых концептов. При этом к «расшатыванию» устоявшихся терминологических соединений следует относиться весьма аккуратно. Как очень точно заметил Ю. Хабермас, «если разбить сосуды своенравно развивающейся культурной сферы, то содержимое растечется; от десублимированного смысла и деструктурированной формы ничего не останется, освобождающего результата не получится»¹. Искомая *простота* не заменяет сложность, а ее *взаимодополняет*, прорастая целым семейством новых концептов, которые необходимо не только обнаружить, но и взрастить.

Заключая предпринятые рассуждения по поводу проблем, с которыми сталкивается осмысляющее себя мышление, важно подчеркнуть, что выход из сложной ситуации обнаружения новых способов мышления может оказаться *простым*. Но это простое внешне кажется весьма сложным, ибо оно непривычно и вызывает неприятие, так как не соответствует принятой традиции. Новое мышление, каким бы словом его не обозначили - *многомерное, интервальное, нелинейное, сложное...* - требует повышенной *внутри-лингвистической чувственности*, к которой призывали М. Фуко, Ж. Делез, Ф. Гваттари и те, кто шли рядом с этими теоретиками и практиками самых радикальных реформ мышления. Ю. Кристева очень точно отразила в словах один из главных мотивов их философской *ритурнели*. Это мотив повышенной *внутрилингвистической чувственности*, «исключительная острота которой измеряется утратой способностей к отвлеченному суждению. Появляется другая «мысль», немысль (a-rep-see), плывущая в океанских глубинах, для которой термины «чувственной репрезентации» и «психе-сома» подходят лучше, чем термин «ум» (esprit)»².

В начале 80-х годов уже прошлого века Ж. Делез записал слова, которые кажутся обращенными из прошлого ко многим из нас: «Мы ищем союзников.

1 Хабермас Ю. Модерн - незавершённый проект. // Вопросы философии. - № 4. - 1992. С.40-53.

2 Кристева Ю. Об аффекте, или интенсивная глубина слов // Логос 1(80). - 2007. С. 197.

ков. Нам они очень нужны. И у нас есть впечатление, что эти союзники уже есть где-то, что они просто не ждали нас, что уже есть достаточное количество людей, которые мыслят, чувствуют и работают в аналогичном направлении: здесь речь идет не о моде, но о более глубоком «духе времени», когда совпадающие друг с другом исследования совершаются в различных областях знания»¹.

Сегодня в *духе времени* предчувствуется появление ПРОСТОТЫ, освобождающей, освежающей, дополняющей все те накопления сложного, которые по крупницам, иногда, ценой невероятных усилий обретало человечество и теми обретениями прорастало в многомерность.

¹ Делёз Ж. Переговоры 1972—1990 / Пер. с франц. и вступ. ст В. Ю Быстрова. - СПб.: Наука, 2004. С.38.